

Дворянские усадыбы России

УДК 94(47)
ББК 63.5(2)
Д 24

Научный консультант — канд. искусствоведения Марина Панова

Дизайн книги Натальи Литовченко

Оформление переплета Елены Шамрай

Д 24 **Дворянские** усадьбы России. — М. : Эксмо, 2009. — 248 с. : ил.

ISBN 978-5-699-32889-5

В эту книгу вошли два знаменитых труда начала XX века — «Старые усадьбы» барона Н. Н. Врангеля (1880—1915) и «Художественные сады» А. Регеля. Барон Н. Н. Врангель, младший брат знаменитого русского военачальника, талантливый историк искусства, устроитель знаменитых художественных выставок, блестящий литератор, был и тонким знатоком русской усадебной культуры. С беспристрастием судьбы и изяществом художника барон Врангель изучил и описал быт и устройство дворянских усадеб. Во многом благодаря подвижническим усилиям Н. Н. Врангеля русская усадебная культура была признана неотъемлемой частью историко-культурного наследия России. Арнольд Эдуардович Регель, сын знаменитого немецкого ботаника, интеллектуал, тонкий знаток искусства сада, написал едва ли не лучшую книгу о русских садах, усадьбах, парках и по теории садоводства. По мнению этого практичного немца, искусство русской усадьбы — это поэзия: страсть, азарт, художественный вкус, это восторг жизни, которая не имеет ничего общего с ремесленным шаблоном и жизненной прозой.

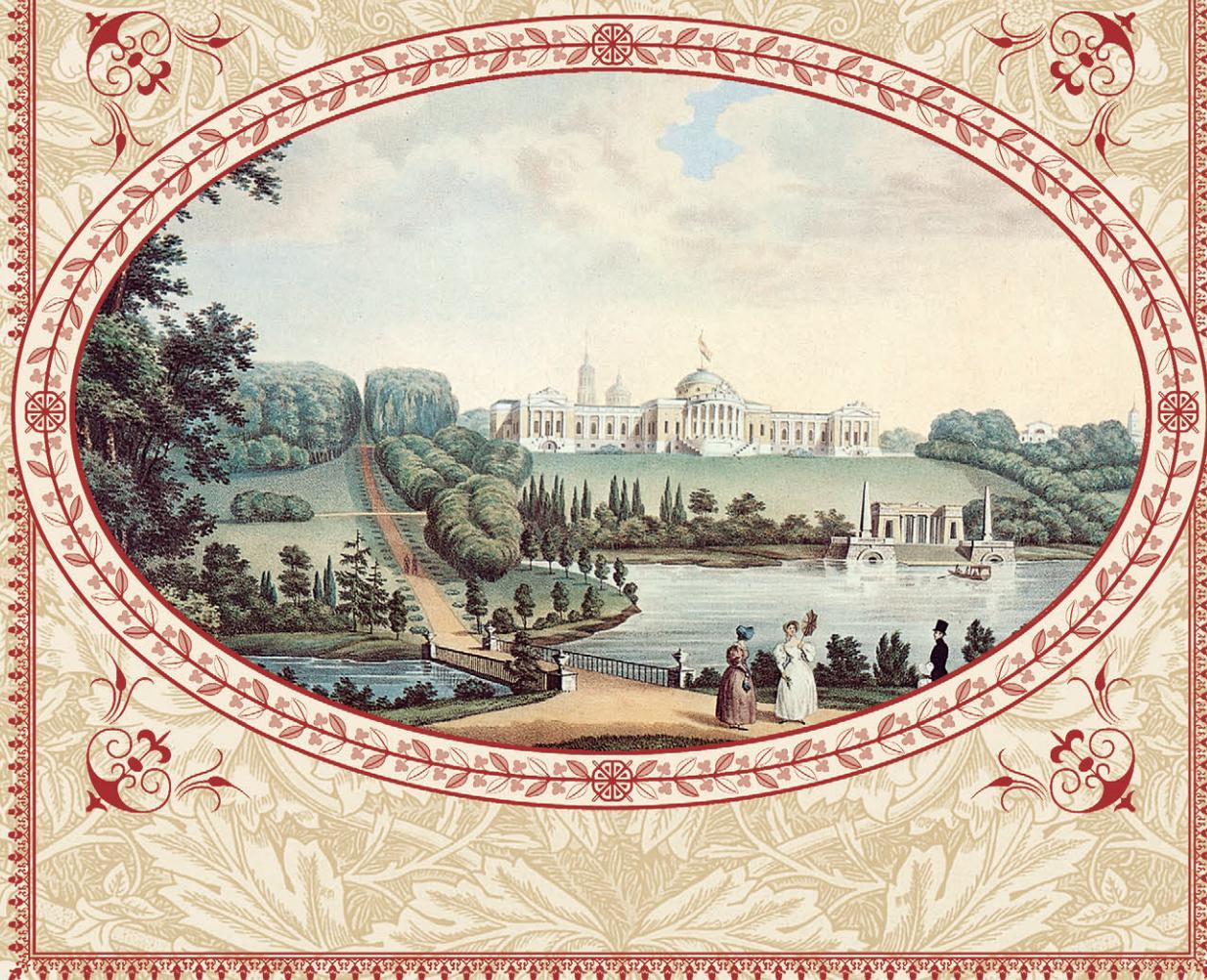
УДК 94(47)
ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-699-32889-5

© Текст, комментарии, дизайн. Издательство «Око», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Н. Н. Врангель

Старые усадыбы

*Мой друг, есть радость и любовь,
Есть все, что будет вновь и вновь,
Хотя в других сердцах, не в наших.
Но, милый брат, и я и ты -
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли в вечных чашах
Неотцветающих цветов,
Непогибающих садов.*

К. Бальмонт

Сознание «исторических грехов» русского дворянства не должно заслонять от нас значительности его вклада в национальную культуру. Целый период в 150 лет будет отмечен печатью государственного и культурного творчества, высокими духовными поисками, произведениями общенационального и общечеловеческого значения, созданными в недрах русской дворянской культуры и одновременно вошедшими в историю общечеловеческой духовной жизни. Мы говорим о «дворянской революционности», и это парадоксальное сочетание лучше всего выражает то противоречие, о котором идет речь. Как это ни покажется, может быть, читателю странным, следует сказать, что и крепостное право имело для истории русской культуры в целом некоторые положительные стороны. Именно на нем покоилась, пусть извращенная в своей основе, но все же определенная независимость дворян от власти — то, без чего культура невозможна.

Ю. Лотман

ПОМЕЩИЧЬЯ РОССИЯ

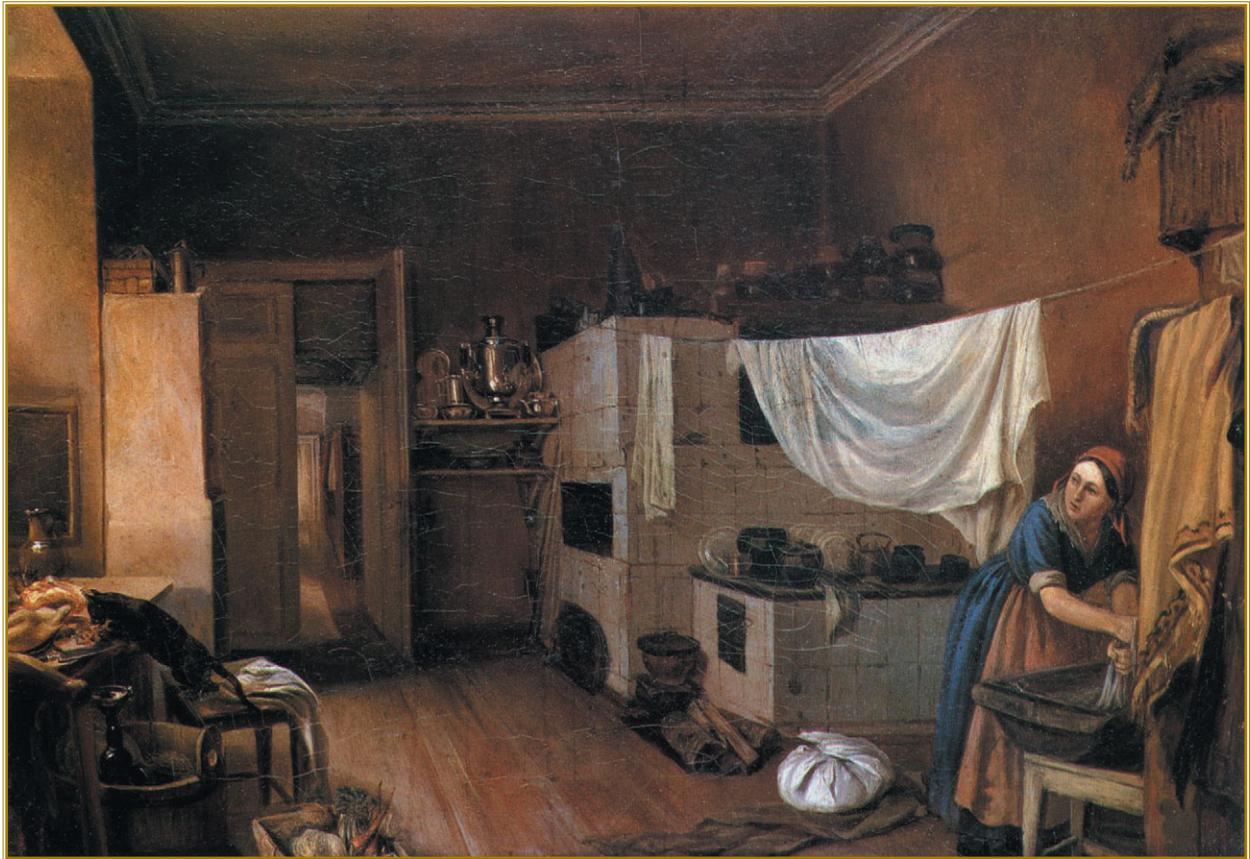
В тенистой чаще деревьев белые дома с колоннами; сонные, пахнущие тиной пруды с белыми силуэтами лебедей, бороздящих летнюю воду; старые нянюшки, снимающие пенки с варенья; жирные, обжорливые моськи, ворчащие от сахара и злости; девки-арапки, отгоняющие мух от спящей барыни; Митька-казачок, таскающий длинные чубуки для раскуривания гостям; мухи — летающие, жужжащие, назойливые, кусающиеся, скучные, противные мухи, мухи, засиживающие окна, и стены, и книги, и все; петухи, кричащие на задворках; мычащие коровы; блеющие овцы; бранящиеся

хозяева-помещики; бабушки в чепцах, никому не нужные, штопающие чулки; старые лакеи; босоногие девки, сенные девушки; крепостные актрисы, живописцы, форейторы, музыканты, борзые псы, художники, карлики, крепостные астрономы. Внутри, в комнатах,— чинные комфортабельные стулья и кресла, приветливые круглые столы, развалистые бесконечные дива-

Неизвестный художник.
Усадьба Райково (Щелковский район,
берег реки Клязьмы).

Первая половина XIX в. Фрагмент
Владельцы усадьбы: Давыдов, Абазы,
Кондрашевы из Фрязина, Некрасовы,
Четвериковы

К. П. Чернышев. Кухня. Начало 1850-х гг.

ны, хрипящие часы с ржавым басистым боем, и люстры, и подсвечники, и сонетки, и ширмы, и экраны, и трубки, трубки до бесконечности. И опять мухи — сонные, злые, назойливые, липнувшие, кусающие и засиживающие все.

Вот она, крепостная Россия прошлого, от которой остались только мухи и домашняя скотинка, старые нянюшки, хозяйская воркотня и быль и небылица о крепостной жизни, о роскоши, о красоте быта, о чудачестве дедушек и бабушек. Вот крепостная Россия обжорства и лени, добродушного послеобеденного мечтания, чесания пяток на ночь и игры на гитаре при луне. Вот страна «Евгения Онегина», потом «Мертвых душ», потом «Детства» и «Отрочества», потом «Оскудения» Сергия Атавы. Вот помещичья Россия от Петра Великого и до Царя-Освободителя, полтора века особой жизни, культуры, занесенной из чуждой страны, сделавшейся родной и опять чуждой. Старая повесть о самодурах-помещиках, засекающих крестьян, о тех же помещиках, в часы досуга занимающихся меценатством так же охотно,

как ловлей зайцев и лисиц, как заказом вкусно-го обеда или поркой провинившихся девок. Странное дело, но в этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам одним, русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи, сказка песен, пропетых в селе, ухарство русской пляски. Все — на фоне античных храмов с колоннами, увенчанными капителями ионического, дорического или коринфского ордера. Пляска русских босоногих малашек и дунек в «Храме Любви», маскарад деревенских парней в костюмах богов и богинь древности. Или где-нибудь в Саратовской или Симбирской губернии — девки-аравки с восточными опашалами на фоне снежных сугробов. Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее?

Русское самодурство, главный двигатель нашей культуры и главный тормоз ее, выразилось как нельзя ярче в быте помещичьей России. Безудержная фантазия доморощенных меценатов создала часто смешные, чудаческие затеи,

М. А. Кошелев. *Первое число*. 1862 г.

часто курьезные пародии, но иногда и очаровательные, самобытные и тем более неожиданные волшебства. Вся эта культура, весь этот быт, все это прошлое, столь близкое по времени, теперь с каждым годом, кажется, будто удаляется на несколько столетий. И как чужда, непонятна и далека казалась людям Екатерининского века быть их прадедов времен Алексея Михайловича, так навсегда безвозвратно ушел быт крепостной России, живший полтора столетия. И потому, быть может, нежно ласкает и манит нас старая повесть о дедушках и бабушках, об арапах и крепостных, о мебели красного дерева и о домах с колоннами на берегу сонных прудов?

В России никогда не было своей последовательной, наследственной культуры. Все создан-

ное варягами, пришедшими княжить в Россию, было уничтожено татарским игом. Потом опять новая смешанная культура Востока и Запада, пышно расцветшая в царствование первых Романовых, была вырвана с корнем тем, кого потомство окрестило именем Великого Преобразователя России. И через полтора столетия помещичья крепостная культура, давшая столько нежных и красивых цветков искусства, сменилась опять новой, совсем другой жизнью, которая до сих пор еще не улеглась в определенное русло. Естественно, что и искусство, не имевшее предков, развивалось в России так же случайно, неожиданно и капризно. Но «крепостной период» в истории нашей живописи, и главным образом архитектуры и прикладного

искусства, дал много весьма занимательного, характерного, а иногда даже и подлинно красивого. Конечно, не в смысле *grand art* (фр.) — высокого искусства, но все же интимного, так ярко и цветисто рисующего дух и вкусы своего времени. А эта картина быта уже свидетельствует о том, как живо и жизненно запечатлевали художники в своих созданиях свои робкие мечты.

В этой массе среднего уровня, в бесконечном количестве любопытных и дорогих нам, но все же заурядных в смысле художественном помещичьих усадьбах, встречаются иногда и создания высокого мастерства. Понятно, это редкость. Только крупные помещики времени Екатерины, а главным образом ее фавориты,

могли создать волшебные сказки из своих имений, не только не уступающих, но даже превосходящих грандиозными затеями то, что было сделано в эту же эпоху на Западе. Русские люди всегда были самодурами, а в искусстве самодурство не раз помогало им. Но, по странной насмешке судьбы, созданное столь быстро распалось еще быстрее.

Фантастические дворцы Потемкина, имения князя Зубова, дворец Завадовского, подмосковное Ноево Дмитриева-Мамонова, дворцы елизаветинских любимцев Разумовских — все погибло.

Разорены и обветшали торжественные дома с античными портиками, рухнули храмы в садах, а сами «вишневые сады» повырублены. Сожже-

Неизвестный художник.

Ахтырка. Вид дома и пристани. Первая половина XIX в.

Владельцы усадьбы: Панины, В. Н. Татищев, Трубецкие, С. М. Матвеев.

В Ахтырке бывали многие знаменитые музыканты, среди них братья Антон и Николай Рубинштейны, профессора Московской консерватории Лауб, Гербер, Иоахим, Фитцвенгаген, Гржимали, гостил здесь и П. И. Чайковский

ны, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы бесчисленные богатства фаворитов русских императриц: картины и бронза, мебель и фарфор и тысячи других великолепий. По странной игре судьбы, любимцы государынь не оставили мужского потомства, дошедшего до нас. Вспомните Шувалова, Румянцева, Разумовских, Потемкина, Зорича, князя Зубова, Александра Ланского, Мамонова, Завадовского. А для них строили дворцы Ринальди и Деламот, Менелас и Кваренги; им дарились лучшие портреты государынь, присылались лучшие художники и служили сотни тысяч крепостных. Даже в фаворитизме у нас не сохранилось традиций.

Но не одна судьба зло подшучивала над Россией. Русские люди делали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть следы старой культуры. С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды.

Ведь культурным было русское дворянство от Екатерины Великой и до освобождения крестьян, берегло и любило красоту жизни. А потомки надругались над тем немногим, о чем могли бы говорить с гордостью, и, бог весть, придет ли день, когда снова об этом вспомнят?

Неизвестный художник.

Усадьба Райково.

Первая половина XIX в. Фрагмент

По легенде, увидев бывшее село Иванково, проезжавшая здесь императрица Екатерина II назвала его райским местом. С тех пор, якобы, и стало называться оно Райково или Райки

Всюду в России: в южных губерниях, на севере и в центре — можно наблюдать тот же развал старого, развал не только денежный, но развал культурный, невнимание и нелюбовь к тому, что должно украшать жизнь. Тогда как в Европе из рода в род много столетий переходят и хранятся имения и сокровища предков, в России наперечет несколько поместий, находящихся двести лет в одной семье. И нет ни одного примера дошедшей до нас целиком сохранившейся помещичьей усадьбы XVII века. Только в Покровском княгини Шаховской-Глебовой-Стрешневой часть дворца — еще дореформенной Руси. Даже от Петра, от Анны Иоанновны, даже от Елизаветы дошли до нас жалкие остатки; нет имения, целиком сохранившегося с тех времен.

От Екатерины лучшее также погибло, и только эпоха Александра I еще ярко и жизненно глядит из усадеб дворянских гнезд. Но и тут Грузино Аракчеева — полуразвалившееся, обкраденное, запущенное, с призраком убитой Настасьи и образом «обезьяны в мундире», засекающей крестьян...

Так, быть может, ничего и не осталось от волшебных чудачеств крепостной России; быть может, не стоит и говорить о том, что у нас есть?

Нет, еще стоит. Еще можно спасти дорогие остатки старины, сохранить и уберечь от окончательной гибели красивые воспоминания, плесневеющие в грязных деревнях, в провинциальной глуши отдаленных губерний. Еще стоит подумать, прежде чем рушить дома, прежде чем продавать скупщикам картины и предметы уб-

ранства. В России еще есть старое искусство, пока целы Дубровицы, Кузьминки, Архангельское, Останкино, Кусково, Петровское, Марьино, Ольгово, Белая Колпь, Быково, Покровское-Стрешнево, Полотняный Завод, Очкино, Диканька, Суханово, Андреевское, Воронцовка, Ивановское, Братцево, Никольское-Гагарино и Никольское-Урюпино, Большие Вяземы, Дугино, Яготин, Каченовка, Корсунь, Гомель, Отрада, Белая Церковь...

Неизвестный художник.
Вид из парка на усадьбу. Конец XVIII в.

УСАДЬБЫ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

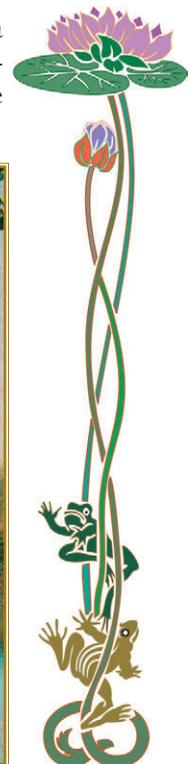
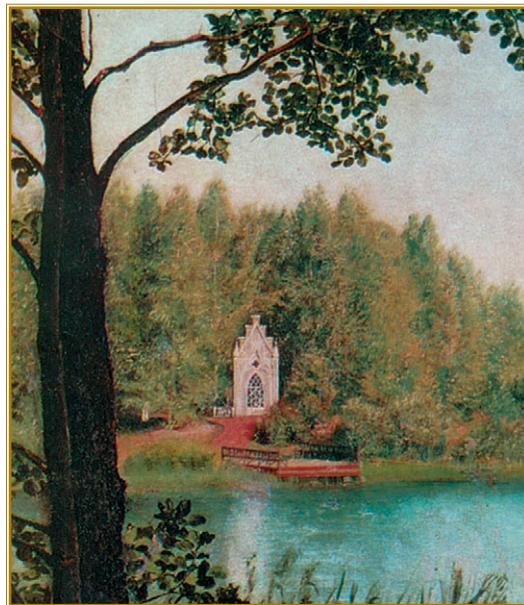
При слове «усадьба» нам обыкновенно рисуется белокаменный дом Екатерининского или Александровского времени, тенистый сад, «храмы Любви и Дружбы», мебель карельской березы или красного дерева. Благодаря тому что все, сохранившееся до нас, редко насчитывает более ста — ста пятидесяти лет, такое представление о русской усадьбе совершенно понятно. Но ведь и до Екатерины, и даже в дореформенной Руси была помещичья жизнь, были деревенские дома, обитаемые князьями и боярами.

На основании отрывочных сведений писцовых книг и любопытных описаний заезжих иностранцев можно в общих чертах нарисовать себе тип среднего помещика и дворянской усадьбы в XVI и XVII столетиях. Те представления о пышности и роскоши «боярской жизни», которые держатся у большинства, решительно ни на чем не основаны.

Земельная Россия в дореформенное время была по отношению к Западной Европе вроде того, что теперь Полинезия для России. И все путешественники, приезжавшие в Московию, описывают ее именно как диковинную варварскую страну. «Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нра-

Г. В. Сорока.
Вид на озеро Молдино в усадьбе
Островки.
Конец 1840-х гг. Фрагмент

Владельцы усадьбы: Потемкины.
Н. К. Рерих назвал Островки «лишь одним
характерным местом» за всю дорогу
от Петербурга до Шлиссельбурга

вов и образа жизни,— пишет Олеарий,— то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам».

Естественно, как и у всех варваров, русский быт делился на две части: роскошную и прихотливую пышность наиболее знатных вельмож-горожан и грязную и почти убогую, скудную жизнь среднего дворянина.

В подмосковных дворцах Романовых царило великолепии. В Измайлове был чудесный дворец, «регулярный сад» с разными затеями; еще прихотливее был

*Российский Вифлеем,
Коломенско село,
Которое на свет
Петра произвело.*

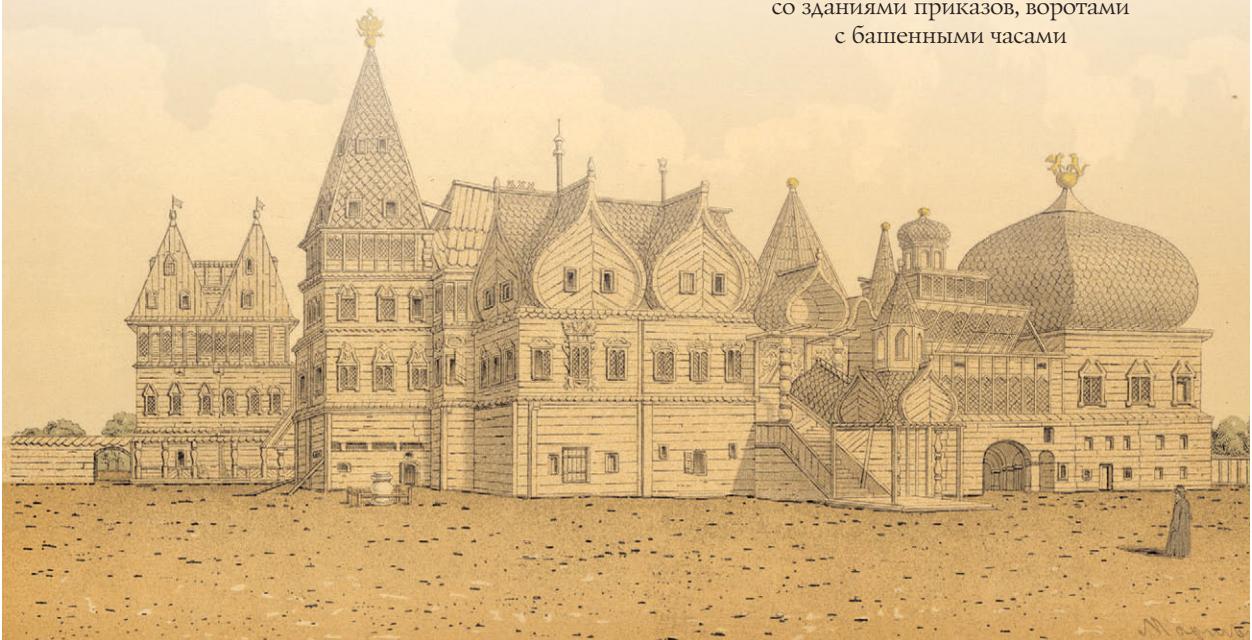
Недаром Симеон Полоцкий называл эти имения царей московских «восьмым чудом света, Соломоновою прекрасною палатою». Но бесконечно далеки от такой роскоши были дворянские усадьбы.

«Помещики XVI века, времен Грозного, жили бедно и неприхотливо. Богатейшие дети боярские выслуживались до придворных чинов, попадали в списки московских дворян, жильцов и т. д. Менее счастливые, все беднея, опускались до владения 20—10 десятинами, скоро исчезли в толпе вольных людей, казаков и однодворцев».

Если богатому землевладельцу и удавалось выстроить более роскошные палаты, то почти всегда через несколько лет они погибали от огня. Страшные пожары уничтожали дотла деревянные постройки, а в старину дома, даже у очень богатых людей, строились из дерева. Флетчер, посетивший Россию в 1588 году, ужасается опустошениям, которые огонь каждый год производит в России. «Пожары там случаются очень часто,— пишет он,— и бывают очень страшны по причине сухости и смолы, за-

Н. Мартынов.
Дворец в Коломенском

Расцвет Коломенского связан с царствованием Алексея Михайловича. Коломенское было его любимой резиденцией. В 1667 г. возводится великолепный деревянный дворец, имевший 270 помещений; дворец окружен оградой и садом, со зданиями приказов, воротами с башенными часами

ключающейся в дереве, которое, раз загоревшись, пылает подобно факелу, так что трудно бывает потушить огонь, пока все не сгорит».

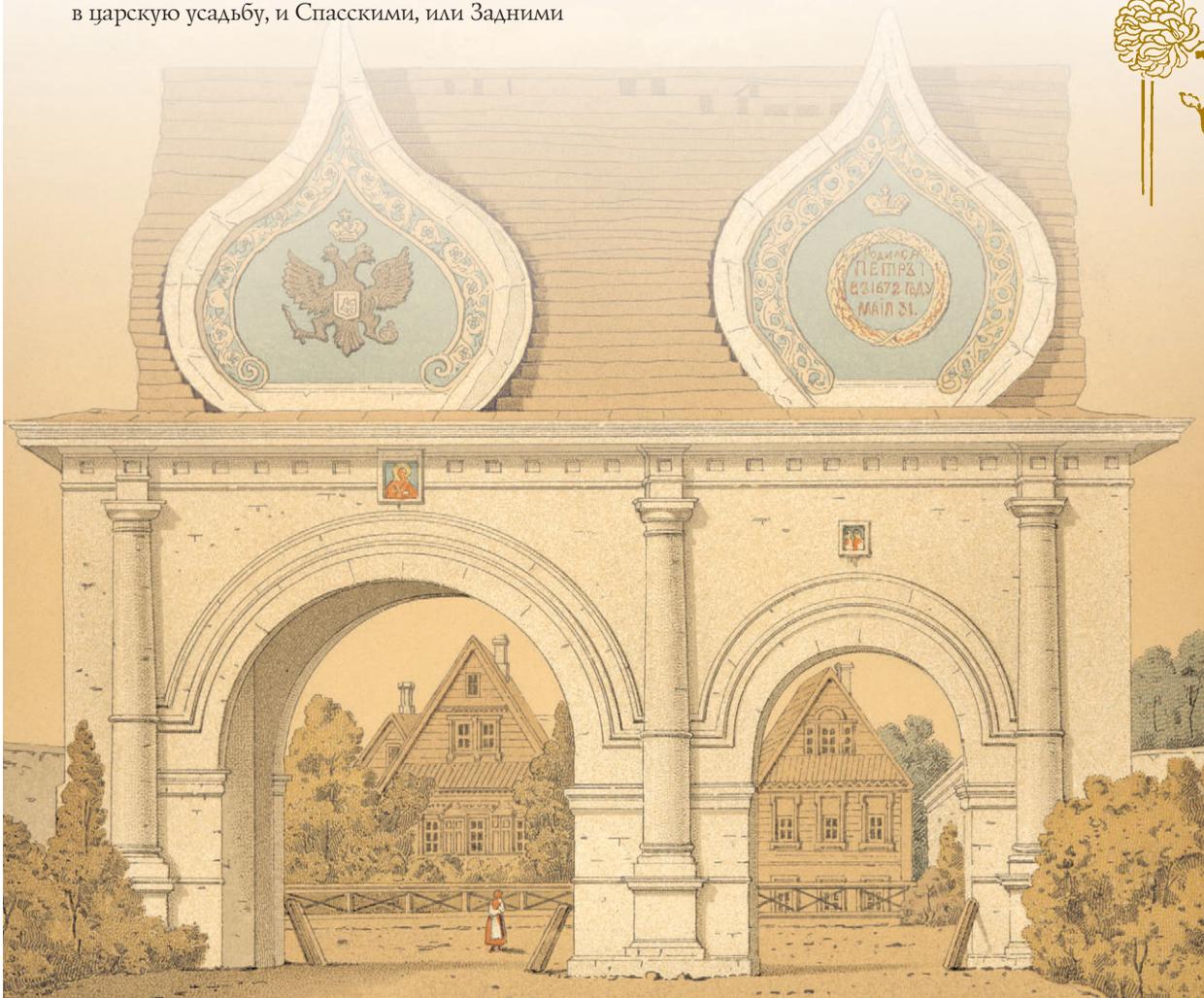
Вследствие этих причин, а главным образом из-за отсутствия потребностей к роскоши и удобствам, русские люди в XVI и XVII веках жили очень просто и даже грязно. Об убранстве домов Олеарий говорит: «Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды, — разве чарки для водки и меда. Не привыкли они также прилагать много труда к чистке и полировке посуды. Даже великокняжеские серебряные и оловянные сосуды, из которых угощали послов, были черные и противные на вид, точно

кружки у некоторых ленивых хозяек, немые год или более того».

Болотов в своих любопытных «Записках» рассказывает жизнь своих предков в царствование Михаила Федоровича. На одном помещицком дворе, в клетях и избах, жили семьи двух женатых братьев. На деревне у них было всего-навсего два крестьянских двора: один пустой, а в другом крестьянин с двумя племянниками, да в двух меньших дворах сидело по одному бобылю. На всю помещицкую семью приходилось пять взрослых работников, и вполне естественно, что помещики жили чуть ли не впроголодь, работали в поле наравне со своими крестьянами.

Н. Мартынов.
Ворота в Коломенском

Историческое ядро Коломенского — Государев двор — был обнесен частично каменной, частично деревянной оградой с двумя проездными воротами: Передними, или Дворцовыми, — парадным въездом в царскую усадьбу, и Спасскими, или Задними

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *Н. Соломадина* 5

Н. Н. Врангель Старые усадьбы

Помещичья Россия	9
Усадьбы и их обитатели	15
Убранство комнат и любимые предметы	31
Искусство крепостных	43
В былое время	65
Развал	101
Остатки прошлого	109

А. Э. Регель Художественные сады

Изящное садоводство	129
Любовь русских к природе	136
Сады XVIII века	145
Фруктовое хозяйство	147
Виноград и шелковица	152
Овощи	153
Цветы	155
Водоснабжение	156
Измайлово	158
Пруды	163

Коломенские и частные сады	164
Сады в конце древнемосковской эры	166
Веяния XVIII столетия	167
Садоводство в XVIII веке	168
Сад императрицы	172
Стрельна	182
Ораниенбаум	186
Царское Село	191
Павловск	203
Екатерингоф	209
Московские сады XVIII века	212
Московские бульвары	214
Головинский сад	215
Нескучный сад	217
Царицыно	218
Кусково	219
Сады и скверы XIX века	226
Городские и провинциальные парки	228
Крым	233
Кавказ	235
Иркутск	240
Валаам	242
Примечания	245

